

Дмитрий Латышев

Последнее небо

Дмитрий Латышев родился в 1975 году. Живет в Барнауле. Кандидат медицинских наук, преподает в вузе. Публиковался в местной периодике, выпустил книгу стихов «Листая в обратном порядке».

Сказка

Спой мне песню крутую про железный лес
Выпал, мол, гребешок из кармана принцессы

И сразу оцетинился елками и другой травой
Сразу нас защитил, честь по чести, от твари той неземной

Мы тут же воспряли духом, давай плести
Вокруг тропинки, дорожки чтоб найти или не найти

И тебя и себя, как продолжит сюжет режиссер – молодец
Тут бы, конечно, сказочке и конец.

Но выходит дева вся в пулеметах и образах
(Мы-то знали ее по общаге – позы ее вызывали страх)

И кивает третьей своей головой
Мол, пора похерить прыщи и потратить запас годовой

Любви, нерастраченный на первой войне, а в конце салют.
Образа лютуют, скоро глаза сожгут.

Возвращайся, давай, не забудь поднять гребешок
И за это тебе разрешат подглядеть в глазок

Старшие мальчики (кожей белее чем черный магнит)
На другую деву с облаками вместо ланит

* * *

перед смертью мы все ненадолго засыпаем
а как иначе увидеть ангела – только во сне
кто еще исполнит желание
к примеру, не был никогда на море
не водил никого в ресторан
какое-то там кафе, мерзкий шашлык, смешной счет
немного еще официанту – зачем?!
а еще не написал письмо или книгу,
так, пара гениальных, без дураков, постов в фб
ты прочла?
и вот я просыпаюсь
иду в душ и долго брожу по воде
да-да, именно так
жарю яичницу, варю кофе
яйца подсыхают на сковороде
будто быстро стареют –
бывает, накатила метафора
не хуже чем у вас
у нас с вами
мы ведь теперь оба поэты
вот так и пишу эти стихи
так похожие на все другие верлибры
тук- тук, просыпайся

* * *

Север – там, где точка, но нет тире.
Значит – везде, грамматика теперь не в ходу.
Я ведь тоже, бывало, ходил по воде,
Но хотелось большего: дуть не в свою дуду.

И теперь не знаю – может, пора на юг?
Но уверен: смогу описать дугу
по замерзшей воде, завершая круг,
за тобой по следам пробираясь во льду.

Без помощи лодки и вообще весла,
без монеты во рту, лишенный речи и ремесла.

Трамвайный боец начнет в понедельник путь –
до субботы прямо, потом свернуть

* * *

Бим и бом в затерянном секторе мозга – радиобуй,
Как забытая песенка типа «кобзон»
Как там сказано в Библии – не балуй,
Или проще сказать, свой не теряй резон

Бим и бом смешались в мой голове
С буквами, песенкой, видно, чужой
Радиобуй боками сверкает на голубой траве –
Якорь глаза надежно зашит в золотой мешок

* * *

Ватные шарики катятся сквозь
Горла, площади и проч.
Скоро их остановит мороз,
Потом приголубит ночь

Собака спит и сопит на воздушных.
Лежанка давно сгнила.
И время, как сказано, на сносях
Только это уже без меня

А эти шарики (то как снег,
А то как будто и виноград)
К горлу подкатывают во сне,
Принимают снов собачьих парад

* * *

Ночью был дождь,
Мы убили всех мух.
Чем еще удивить?
Крошится мел зубов
Водосток переполнен, что еще я могу?
Объявить тебя заново сотрясателем всех основ?
Дом всегда имеет четыре стены,
Иногда пять, ну и окна во двор.
Нот у водостока меньше, они сочтены
Как и всякое, впрочем, добро –

кресло, диван , кровать,
Запад, Восток и т.д.
Посмотри, хоть и некого удивлять,
Как труба играет мотив на чужой губе!

* * *

Штукатурочка отвалится
Но под штукатурочкой кирпич:
Ничего не прекращается
Все там будет зашибись.
Перегоны здесь и тамбуры.
Не летали, хоть поехали
Вечности немного видели
Вдоль по улице и далее.
Возвратиться? День-то кончился
Позабудут нас по отчеству
Невзирая на детали

* * *

Сигарета просит другую – подай патрон
Сигаретным дымом завешен сад
Умирать неохота и еще Антон
Там повыше кричит – подавай назад

Только как обратно? Выходит срок.
Грубоват, и ловок, и прост закон.
Это 40, 40! – стучит висок
И стопа провисла, не выйти вон

* * *

я два года провел среди прапоров
они были прекрасны, красивы и ловки
времена изменились, скостили срок
все просили впрок у большой винтовки
все хотели сыграть в войну и огонь восстал
и Господь ожил и ожог без правил
где вы были мои друзья

я, увы, мерцал, я, увы, не знал
про бессилье силы
и забыл себя ,
но исправил

* * *

Бляшки-мушки порхают по венам, я продолжаю писать тебе.
Словно братья марио по канализационной бегут трубе.

И когда- то нас остановят, повернув не ту сторону кран,
Как бы успеть краев и окраин избежать обман!

А пока надо бы приехать, нажать на какой-то там газ,
Но это будет слишком просто для бывших недавно нас.

Тогда самолет возил других людей,
В подворотне всегда раздавали люлей.

Об этом писали поэты, непохожие на нас,
Так все было плохо, не то что сейчас

А сейчас дружок подбирается к коде легко, не крошив пера
А чуть что не так, сразу начинает орать

О приближении снайпера, зареве и огне
О последнем небе, потерянном в октябре.

* * *

Кровь замолкает в артериях, словно вещь в себе.
Молодые люди на проспекте, перед парком – стена
Им кажется, они вместе читали рембо , это было почти вчера
А посмотришь, прошло уже больше, чем тридцать лет

Новая юность и, кажется, новая война.
Здесь, на главном проспекте, не увидишь в витрине костей и мяса.
Только пирожные, свет и грязная полоса.
Айда на ту сторону жизни, смерти и речного плеса!